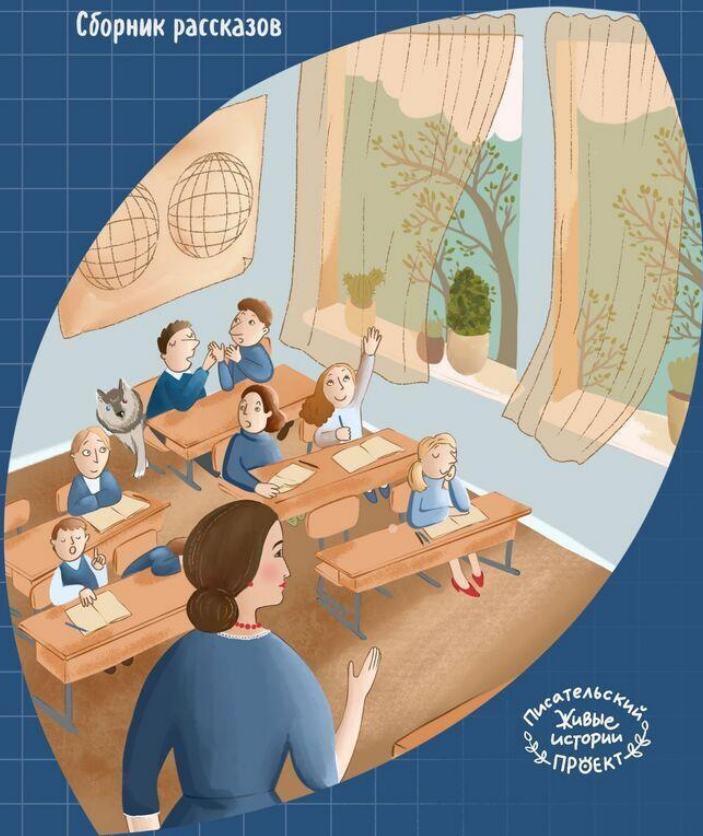

12+

УРОКИ с продолжением

Сборник рассказов

Писательский
Живые
истории
ПРОЕКТ

**Айгуль Галиакберова
Алёна Василькова
Алёна Стимитс
Амиров Анвар
Дарья Ганина
Евгения Душина
Елена Барышникова
Зиля Вавилова
Зульфия Штрак
Ирина Шлапак
Ксения Орлова
Людмила Ганчук
Людмила Радость
Михаил Ленц
Светлана Дмитриева
Татьяна Парамонова
Элли Фан**

Уроки с продолжением

Аннотация

Наш сборник — словно школьный фотоальбом: пожелтевшие от времени снимки и совсем свежие кадры. Это не портреты «правильных» героев, а живые моменты: внезапные озарения, неловкие паузы, сомнения и признания. Вы увидите школу за пределами дневников и контрольных, услышите голоса — от первоклассников до ветеранов педагогики. Учителя здесь те, кто зажигает искру. Порой мы смотрим на них критически, но с годами понимаем мотивы их поступков.

Листайте альбом, и вы обязательно найдете свою страницу!

Содержание

Ирина Шлапак. УЧИТЕЛЬНИЦА ПЕРВАЯ МОЯ	7
Евгения Душина. МУЗЫКА ТИШИНЫ	14
Анвар Амиров. КИСЛЫЙ И ГРОМИЛА	26
Дарья Ганина. ЦВЕТА ПРОЩЕНИЯ	35
Зиля Вавилова. «НИХАО» — ПО-КИТАЙСКИ «ЗДРАСЬТЕ»	45
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Уроки с продолжением

Авторы: Дмитриева Светлана, Амиров Анвар, Барышникова Елена, Вавилова Зиля, Василькова Алёна, Галиакберова Айгуль, Ганина Дарья, Ганчук Людмила, Душина Евгения, Ленц Михаил, Орлова Ксения, Парамонова Татьяна, Радость Людмила, Стимитс Алёна, Фан Элли, Шлапак Ирина, Штрак Зульфия

Дизайнер обложки Ольга Парамонова

Редактор Татьяна Парамонова

Редактор Алёна Стимитс

Редактор Ксения Орлова

Редактор Светлана Дмитриева

Редактор Светлана Громович

Корректор Алёна Стимитс

© Светлана Дмитриева, 2026

© Амиров Анвар, 2026

© Елена Барышникова, 2026

© Зиля Вавилова, 2026

© Алёна Василькова, 2026

© Айгуль Галиакберова, 2026

© Дарья Ганина, 2026

© Людмила Ганчук, 2026

© Евгения Душина, 2026

© Михаил Ленц, 2026

© Ксения Орлова, 2026

© Татьяна Парамонова, 2026

© Людмила Радость, 2026

© Алёна Стимитс, 2026

© Элли Фан, 2026

© Ирина Шлапак, 2026

© Зульфия Штрак, 2026

© Ольга Парамонова, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0069-4992-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ирина Шлапак.

УЧИТЕЛЬНИЦА ПЕРВАЯ МОЯ

Будильник прозвенел настойчиво и тревожно. Натка открыла глаза. Сегодня первое сентября! Дома тихо. Маленький братик ночью не кричал, и все спали.

Натка спрыгнула с постели, на цыпочках пробралась через длинный коридор мимо родительской спальни — в ванную. Она решила собраться как положено: надела школьную коричневую форму, вплела в косички длинные банты, завязав их пышными капроновыми облаками. Повертелась перед зеркалом — все ли в порядке, не выбился ли где непокорный локон.

Мать встала, отругала за небрежно завязанные банты и торчащие волосы. Натка удивленно пригляделась к отражению: заплеталась она туго и никаких торчащих прядей не нашла. Махнула рукой и отошла от зеркала. Дождалась, пока мать соберет малыша, и они все вместе шумно вывалились из подъезда в прохладное сырое утро.

К школе спешили первоклашки с родителями, а ученики постарше шли на линейку самостоятельно. Натка бережно несла букет астр, которые ей собрала бабушка в саду, и все переживала, возьмет ли ее учительница в свой класс. Вслух она этого не сказала — накануне так часто спрашивала мать,

что та запретила ей подходить с «дурацкими вопросами».

Неделю назад они с матерью пришли записываться в школу. В кабинете их встретила строгая женщина. Она допытывалась: какие буквы Натка знает, какие цифры. Потом дала книгу без картинок, спросила, что Натка сможет прочесть. Девочка читать умела еще с детского сада и бегло прочла абзац, лишь споткнулась на непонятном слове «конгломерат». Сбившись, замолчала, испуганно тараща глаза на мать. Та одобрительно кивнула. Потом Натке задали вопрос о сложении — она дала верный ответ. Но когда женщина спросила про таблицу умножения, девочка замолчала — умножать она еще не умела. Женщина хмыкнула и стала читать документы. Натка обернулась к матери и спросила: «Меня возьмут в школу?»

Ее отправили за дверь — ждать мать. На полу длинного коридора лежали светлые квадраты — их нарисовали яркие лучи августовского солнца, бьющего сквозь оконные стекла. Натка увлеклась игрой в классики по квадратам и пропрыгала до конца коридора. Но даже там был слышен громкий голос матери, доносившийся из-за двери кабинета. Наконец мать вышла, сердито окликнула Натку и быстро зашагала к выходу. Почувствовав ее недовольство, девочка бросила игру и засемила следом, раздумывая, что же так разозлило мать. Спросить прямо сейчас, взяли ли ее в школу, она не решалась. На следующий день несколько раз задала тот же вопрос и, услышав долгожданное «да», успокоилась.

Линейка под дождем быстро закончилась, и класс поднялся в свой кабинет. Натка, довольная, заняла первую парту возле двери и аккуратно разложила карандаши из пенала. Учительницу звали Ирина Павловна. Она увлеченно рассказывала о школе, и дети заворожено ее слушали. Когда раздался звонок, учительница вывела детей из кабинета, чтобы провести их по зданию. Натка вся светилась от радости: она теперь ученица первого «Б».

Натке учеба давалась легко — бабушка основательно подготовила ее к школе. Каждый вечер она заставляла девочку читать вслух. При этом книги Натка выбирала сама. Теперь в школе ее любимыми уроками стали чтение и рисование.

Мама купила бумажные прямоугольные закладки для учебников. На них плавали разноцветные рыбки в зелено-голубой воде. Натка рассматривала их, затаив дыхание. Ей казалось, что если смотреть долго, то рыбки оживут и уплывут куда-то за край листа. Обратная сторона закладки была из обычной белой бумаги — чистой, пустой, — она так и манила что-нибудь нарисовать. Натка изобразила на ней синей ручкой водоросли и добавила пузырьки воздуха. В это время учительница стояла у доски и что-то объясняла классу. Шел урок чтения, — остальные ученики читали по слогам. Натка не слушала: она давно обогнала программу и успевала прочесть намного больше. Ей было неинтересно следить за медленным, сбивчивым чтением одноклассников. Высунув

кончик языка, девочка рисовала на белой бумаге закладки.

— Петрова, к доске! — Голос учительницы прозвучал резко и громко. Видимо, она звала уже не в первый раз. Натка ничего не слышала: погруженная в свои мысли, она старательно выводила шариковой ручкой силуэты рыбок среди водорослей. Вдруг бумагу резко выдернули из-под рук.

— Вот посмотрите, что она тут делает! Ей купили новые закладки для учебников, а она их все изрисовала. — Учительница показывала всему классу творчество Натки. Та замерла от неожиданности за своей партой, вжавшись в стул.

— Выходи и отвечай! Выучила «Песнь о вещем Олеге», как обещала?

Натка быстро вышла к доске. Она сама вызвалась учить отрывок из программы средней школы, и теперь в голове мелькали обрывки строк, постепенно складываясь в стройную цепочку образов. «Как ныне сбирается вещий Олег отмстить неразумным хазарам...» — выразительно декламировала Натка по памяти.

Она постепенно успокаивалась от ритмичной музыки произносимых слов. Но на предпоследних строчках Натка сбилась и замолчала — текст напрочь вылетел из головы. Оглянулась на учительницу, надеясь, что та подскажет, как иногда делала для других учеников, но учительница молча смотрела в серое небо за окном.

— Забыла? — устало спросила Ирина Павловна.

Натка смущенно кивнула.

— Ну, садись на свое место.

Расстроенная Натка опустила за парту. Учительница дала классу задание и вышла из кабинета. Постепенно небольшой гул перерос в шум и крики, кое-кто из учеников начал бегать между рядами парт, раздался визг. Но тут прозвенел звонок.

Закончив прописи, начали работать в тетрадях с узкой линейкой. Натка добивалась, чтобы буквы выглядели ровно и кругленько, и она старательно выписывала их на листке. Ирина Павловна сделала замечание всему классу: без прописей почерк у всех стал портиться, и поэтому следует внимательнее выводить буквы. Натка выслушала и продолжила писать аккуратно.

Вскоре в Наткиной тетради появилось замечание: «Нужно писать крупнее!» Натка задумалась. Большие «ушастые» буквы, как в прописи, казались ей грубыми, поэтому она старалась скруглить и уменьшить их неровные выступающие части — и от этого писала все мельче. Перечитав замечание, Натка попробовала «укрупнить» почерк при выполнении упражнения, но постепенно снова вернулась к бисерной россыпи круглых буковок. Ей так нравились ровные строчки: они напоминали стежки вышивки, которой когда-то научила ее бабушка.

Через день тетради с домашними заданиями вернули. На странице в косую линейку располагались ряды аккуратно вы-

веденных букв, а ниже краснела громадная единица размером с полстраницы. Натка замерла в ужасе, глядя на эту носатую огромную цифру. Такую зловещую, словно она хотела склевать своим острым носом все круглые аккуратные буковки-буквы. Под единицей было размашисто написано замечание учительницы о правильном размере букв. В ушах Натки как будто запищал комар, а щеки обдало жаром. Она перелистнула страницу и долго сидела, положив ладони на пустые чистые листы разворота.

— Класс, пишем тему урока, — громко диктовала Ирина Павловна у доски. Натка медленно выводила в строчку неровные длинные буквы, стараясь сделать их крупнее.

На следующий год у них сменилась учительница: Ирина Павловна куда-то ушла.

Однажды зимой Натка каталась с горы вместе с двумя одноклассницами-подружками. Мимо проходила женщина с коляской. Натка сразу ее узнала и уже собралась побежать к Ирине Павловне, чтобы поздороваться, но девочки хотели ее остановить. Натка объяснила, что это их бывшая учительница, но они так и остались смотреть издалека.

Новая учительница, Ирина Васильевна, напоминала сказочную царевну: ее пышная темно-русая коса спускалась ниже пояса. Румяное лицо, сияющее улыбкой, Натка запомнила на всю жизнь. Чтение и письмо вновь стали ее любимыми

предметами. И только почерк остался крупным и ровным.

Спустя двадцать лет Натка случайно встретила Ирину Васильевну в электричке и очень обрадовалась, узнав ее. Они проговорили всю дорогу. Натка рассказывала, как закончила десятый класс в вечерней школе, как поступила в университет.

Уже во взрослом возрасте Натка не раз задавала себе вопрос, почему при записи в первый класс ей устроили столь подробный экзамен в кабинете директора? Лишь позже мать рассказала: секретарем директора школы работала соседка из их подъезда — именно она и «экзаменовала» Натку в тот день записи в школу. Соседка считала Натку умственно отсталой из-за того, что ее отец часто выпивал. Не желала она, чтобы Натка училась в одной школе с ее дочерью. Но соседка не знала о том, что девочка научилась читать очень рано, что в доме у них было много книг и Натка с удовольствием погружалась не только в детскую литературу, но и в серьезные художественные произведения. К тому же тот мужчина был ей не родным отцом, а отчимом.

Однажды Натка разбирала старые вещи и нашла ту самую закладку с рыбками в зелено-голубой воде. Она провела пальцем по выцветшим краскам и вдруг рассмеялась: «Ты права была, закладка! Рыбки и правда оживали...»

Евгения Душина. МУЗЫКА ТИШИНЫ

*Памяти замечательного музыканта и педагога
Виктора Лядова*

Мне было двенадцать, и вся моя жизнь принадлежала удивительному и волшебному — музыке. Когда я играла на рояле, все вокруг будто замирало, а клавиши становились продолжением моих мыслей. Запах полированного дерева, холодный блеск клавиатуры, едва уловимый скрип педалей — это был мой мир. В то время я занималась в музыкальной школе при консерватории.

Однажды мне позвонила старшая сестра, и от ее слов мое сердце замерло.

— Соня, дирижер нашего театра срочно ищет солистку для исполнения Первого концерта Бетховена. У тебя есть уникальный шанс сыграть его в нашем зале! Согласна ли ты подготовиться за несколько месяцев?

— Я очень хочу! Горю желанием! Ведь моя мечта — играть с оркестром. Но как на это посмотрит мой педагог? Наталья Эдуардовна не любит, когда отвлекаются от программы.

— Главное — твоя решимость, мы вместе что-нибудь придумаем! — сказала сестра. — Я договариваюсь с дирижером,

а ты — с преподавателем.

Мне стало тепло от ее поддержки. Бетховен с оркестром! Это звучало как сказка. Я торопилась скорее увидеть ноты и начать разбирать текст. «Трудно будет, но с помощью Натальи Эдуардовны я смогу!» — подумала я.

Вечером я рассказала обо всем маме. Она с восторгом меня поддержала.

Но на следующий день на уроке специальности педагог охладила мой пыл ледяным вердиктом:

— Концерт Бетховена? В двенадцать лет? Конечно, были ученики в нашей школе, которые играли его в твоём возрасте, но вряд ли тебе это по силам, да и времени на разучивание у нас нет — надо готовить экзаменационную программу. Можешь поразбираться, если хочешь, но сама. Не думаю, что ты справишься.

Сказав это, она посмотрела на меня своими равнодушными серыми глазами и попросила сыграть домашнее задание. Всем своим видом Наталья Эдуардовна показывала: ей неинтересно то, что так волнует меня.

Я чуть не расплакалась. Радость, до этого момента жившая во мне, потускнела, но отказываться от своей мечты я не собиралась. «Как же так?! Я очень хочу попробовать свои силы! Но кто будет помогать мне с партией оркестра? Одной выучить концерт почти невозможно. Тем более у меня вообще нет такого опыта». — Мысли так и кружились в моей голове.

Мама и сестра, видя мои страдания и одновременно то усердие, с которым я начала разучивать текст концерта, стали искать наставника, который бы помог мне с подготовкой.

— Дочка, если ты так хочешь, мы обязательно сделаем все, чтобы ты играла этот концерт профессионально!

Мама обнадеживающе меня обняла. Успокоившись в ее теплых руках, я вновь села за изучение текста.

Вскоре меня согласился послушать профессор консерватории — легендарный педагог, воспитавший не одно поколение виртуозов. От моей подготовленности зависело его решение о наших занятиях.

Настал день прослушивания. Я шла заниматься к настоящему профессору в консерваторию! Шла и думала: «С одной стороны, я так этого хочу, а с другой — мне страшно. Как он меня оценит? Что скажет?»

Подойдя к классу, я постучала. Педагог встретил меня у входа, протянув свою большую, мягкую и теплую руку. Он внимательно и в то же время ободряюще смотрел на меня. Виктор Иванович оказался очень высоким, его движения были размеренными и плавными — рядом с ним я почувствовала себя увереннее. Он рассказал о том, как мы будем заниматься, что и в какой последовательности мне предстоит делать. А еще профессор проявил большой интерес к моим предпочтениям в музыке. Это помогло мне расслабиться — я освоилась и стала рассматривать класс. Он был на-

полнен запахом старых нот, которые стояли на открытых деревянных стеллажах. Посреди кабинета находились два черных рояля, один из которых оказался очень старинным. Виктор Иванович предложил мне сесть именно за него, сказав, что этот рояль помнит руки множества музыкантов. Скрывая волнение, я разложила ноты, поправила банкетку, устроившись поудобнее. Профессор тоже сел, приготовившись играть за другим роялем. Я хотела начать, но тут Виктор Иванович вдруг произнес:

— Закрой глаза, посиди и послушай тишину. Что ты слышишь?

— Капли дождя, стучащие в окно, звуки флейты из соседнего класса... Вот кто-то пробежал по коридору... Где-то поет высокий женский голос... Слышу свое дыхание... — прошептала я.

— Музыка уже есть вокруг нас, нужно только научиться ее замечать. Это не набор нот на бумаге, а то, что услышал композитор в тишине, и то, чем он поделился с нами. Музыкант же дает возможность ощутить другим поколениям звучание ушедшей эпохи Баха, Моцарта, Бетховена, Шопена... А вот теперь давай приступим, — задушевно сказал Виктор Иванович и начал играть вступление оркестра.

Когда мы закончили исполнять первую часть, профессор посмотрел на меня с улыбкой и сказал, что готов со мной работать над концертом.

— Три месяца. У нас есть три месяца до репетиций с ор-

кестром. И это главное. У тебя все получится — с разбором текста ты справилась хорошо.

Занятия с Виктором Ивановичем оказались совсем не такими, как уроки в школе с Натальей Эдуардовной. Он не ругал меня за ошибки, а учил их принимать и разбираться, почему они случались. Он подбирал мне удобную позицию пальцев, для того чтобы было легче играть пассажи и аккорды. Мы тут же отрабатывали все то, о чем он мне рассказывал.

— Если ты ошиблась, не пытайся это скрыть. Разберись, найди новый путь. Ошибка — не провал, а возможность. Музыка живая, она не терпит страха, — объяснял Виктор Иванович.

Я училась слушать паузы между нотами, дышать, чувствовать ритм оркестра — даже когда играла одна. Уроки протяженностью в два часа пробегали настолько быстро, что я даже не верила, что прошло так много времени. При этом я выходила с занятий энергичной, в приподнятом настроении, горя желанием как можно скорее выполнить все, что предлагал мне сделать Виктор Иванович. Он много рассказывал о музыке и технике игры, об устройстве инструмента и очень увлек меня историями о знаменитых композиторах, в первую очередь, конечно, о Людвиге ван Бетховене. Я набрала в библиотеке книг, чтобы поддерживать наши диалоги.

На занятиях мы не только играли концерт, но и работа-

ли с музыкальными записями концерта Бетховена. Оказалось, что, прослушивая исполнение одного и того же произведения знаменитыми музыкантами, можно заметить, как по-разному звучит рояль. Благодаря этому я искала и свой голос.

Как-то, исполняя третью, самую трудную часть концерта, я очень разволновалась, боясь, что не смогу воплотить в мелодии все задуманное. И когда прозвучал последний аккорд, я замерла, ожидая заключения учителя. Он помолчал, а потом спросил:

— Что ты чувствовала, когда играла третью часть?

— Я боялась ошибиться.

— А если бы не боялась?

— Тогда... тогда это был бы разговор.

— Вот именно! — улыбнулся Виктор Иванович. — Играй не ноты, а разговор.

Он никогда не говорил «Ты неправильно сыграла». Он интересовался у меня, что я хотела сказать, исполняя ту или иную фразу. И, если я не находила ответа, мы вместе искали образ, историю, эмоцию, которая превращала набор звуков в музыку.

Три месяца подготовки пролетели незаметно. В школе Наталья Эдуардовна как-то поинтересовалась, выучила ли я концерт. Я кивнула, но поиграть она не попросила. Вместо этого сказала: «Ты берешься за слишком сложное, лучше бы сосредоточиться на чем-то попроще».

Я очень обижалась, видя ее безразличное отношение к тому, что меня так вдохновляло все это время. Ее неверие в мои силы действовало на меня. Сомнения не исчезали, они иногда приходили перед сном и мучили меня, не давая уснуть. Я сравнивала себя с другими пианистами, читала отзывы о концертах и думала: «А вдруг я не справлюсь? Вдруг подведу всех?» Слова педагога больно ранили меня, но я решила не сдаваться, а доказать, что могу.

Первая репетиция с оркестром очень меня волновала, даже страшила — еще бы, все было ново! Мне предстояло взаимодействовать с дирижером, слушать других солистов оркестра, правильно вступать, ориентироваться в партитуре. Я очень радовалась, что с первого раза доиграла до конца. Дирижер высказал свои пожелания, но в целом был доволен моим исполнением. Оставалась еще одна репетиция. День выступления приближался.

К большому моему разочарованию, Виктор Иванович не мог присутствовать на концерте и предупредил меня об этом заранее. А мне так хотелось, чтобы он сидел в зале! Волнение настолько меня захватывало, что накануне выступления я проснулась от сильной головной боли. Все вокруг кружилось, руки дрожали. Померила температуру. Тридцать девять! Я испугалась, что подведу всех, и заплакала.

— Я так долго готовилась! Не хочу разочаровать оркестр, дирижера, Виктора Ивановича! С температурой нельзя иг-

рать! — рыдая, говорила я маме.

— Ты все сможешь! Подумаешь, ерунда — температура! — успокаивала меня она. — Вытирай слезы и будем приводить тебя в форму.

Мама быстро приняла меры: горячий чай с травами и медом, прохладный душ; потом мы дышали ароматами лаванды и мелиссы. Температура стала снижаться, и к вечеру я уже чувствовала себя хорошо. А после разговора с Виктором Ивановичем, который сказал, что уверен во мне на сто процентов, я заснула и спокойно проспала до утра.

Пробудившись от ласкового касания солнечного лучика, я ощутила себя отдохнувшей и полной сил. Я радовалась, что моя мечта играть концерт с оркестром сегодня исполнится.

И вот я в театре. Я уже переоделась для выступления и разглядывала себя в зеркале. Оттуда на меня пристально смотрела девочка в васильковом платье, украшенном кружевом. Длинные золотистые волосы, заколотые на затылке, локонами рассыпались по плечам. Голубые глаза с расширенными от волнения черными зрачками были широко распахнуты. Почему-то вспомнился эпизод из фильма-сказки «Королевство кривых зеркал», где девочка Оля встречается со своим отражением Яло. В тот момент я поверила всей душой, что я, София, и эта девочка из зазеркалья, Яифос, вместе справимся и концерт понравится слушателям.

Зал наполнился зрителями, среди которых были мои родные и друзья. Оркестранты заняли свои места на сцене. Кро-

ме обычного волнения перед выступлением я опять почувствовала старый страх ошибиться или забыть текст. И тут, о чудо, мне позвонил Виктор Иванович и произнес своим мягким спокойным голосом: «Дыши, девочка, вдох-выдох. Помни, ты не одна, мы все с тобой! Музыка рождается не в пальцах, а в сердце. Ты абсолютно готова. Доверься себе!»

Мама тоже была рядом. Поддерживая меня, она пыталась скрыть свое волнение. Я попросила ее слушать меня из-за кулис. Мне хотелось, чтобы она следила по нотам и пела вместе со мной. Казалось, так будет легче.

Объявляют! «Людвиг ван Бетховен. Первый концерт для фортепиано с оркестром». Он первый не только у Бетховена, но и у меня! Выхожу. Следом за мной дирижер. После приветствия зрителей сажусь за рояль. Пауза. Я слушаю тишину.

Оркестр начинает играть вступление. А я... растворяюсь в музыке и дышу. Чувствую радость от того, что сейчас буду вступать. Волнение вмиг улетучивается. Мои первые ноты робкие, но с каждой секундой я все больше погружаюсь в музыку. Тишина между фразами становится моим союзником. Я больше не боюсь — я просто играю так, как учил меня Виктор Иванович.

Когда последний аккорд тает в воздухе, я вслушиваюсь в секундную тишину, а затем — в такие громкие аплодисменты! После поклонов бегу за кулисы к маме, которая не стесняется радостных слез. Мы быстро обнимаемся, и я спешу на сцену снова, так как зал продолжает аплодировать. И в

этот момент я окончательно понимаю, что хочу посвятить свою жизнь музыке. Не ради славы или похвалы, а потому, что музыка — это мой способ говорить с миром.

Полчаса на сцене пролетают как пять минут. «Мне нужно скорее позвонить профессору», — мелькает у меня.

— У нас все прошло отлично! Запись будет!

Его ответ звучит в привычной вдохновляющей манере:

— Я в этом не сомневался! Поздравляю от всей души! Желаю, чтобы первое твое выступление с оркестром открыло тебе мир большой музыки! Впереди еще столько интересного! У Бетховена пять концертов, у Моцарта двадцать семь! Да и другие композиторы ждут своей очереди.

Когда он говорит, я даже на расстоянии чувствую его улыбку.

Теперь я точно знаю, что если веришь в себя и не боишься идти вперед, даже самые смелые мечты становятся реальностью.

Я буду играть концерты и дальше, пока мои пальцы могут касаться клавиш. Я не забуду никогда напутствия моего профессора: «Настоящий музыкант — это не тот, кто идеально повторяет написанное в нотах, а тот, кто умеет говорить с людьми посредством музыки. Музыка — это не только то, что ты играешь, это то, что остается после. Как эхо в старинном зале. Как воспоминание о человеке, которого уже нет».

На последнем уроке Виктор Иванович мне сказал:

— Запомни, Сонечка, музыка — это не профессия, а способ дышать. Если ты когда-нибудь об этом забудешь, то подумай обо мне.

Прошло почти десять лет. Теперь я студентка консерватории, играю концерты с оркестрами, как и хотела. А вот Виктора Ивановича уже нет — он умер год назад, но навсегда остался в моей памяти.

Многие педагоги музыки скупно хвалят учеников, торопясь сразу указать им на ошибки, порой отказываясь слушать произведение до конца, если ученик допускает неточности. Виктор Иванович уважительно относился к самостоятельной работе учеников, всегда начинал урок с того, что отмечал все достоинства, и только после этого указывал на ошибки и недочеты в особенной, присущей ему мягкой манере. Именно такой учитель меняет судьбу: он не просто говорит, как играть — он учит жить через музыку. Он не только передает знания, но зажигает огонь любви, который потом горит сам.

Играя хорал Баха, я внутренним взором вижу, как за роялем молодой пианист Виктор Лядов в черном смокинге свободно и спокойно исполняет эту вечную светлую мелодию на последней телевизионной передаче «Музыкальный киоск» в 1993-м году.

В концертном зале всегда стояла особая тишина, когда на сцену выходил Виктор Лядов. Не та мертвая, напряженная тишина ожидания, а живая — будто сам воздух настраивал-

ся на его волну. Он не спешил начинать: садился за рояль, на мгновение закрывал глаза, словно прислушиваясь к чему-то внутри себя, и только потом опускал пальцы на клавиши. Профессионализм Лядова начинался там, где заканчивалась техника. Он умел делать невозможное: волшебным образом заставлял публику слышать паузы между нотами — так же ясно, как сами звуки.

Я часто бываю в классе консерватории, где он когда-то преподавал. Там до сих пор стоит старый рояль. Если прикоснуться к его клавишам, то кажется, что инструмент помнит руки музыканта, который на нем играл. Рояль ждет того, кто снова научится слышать тишину, звучащую между нотами.

Свой рассказ я посвящаю профессору, замечательному пианисту, лауреату международных конкурсов, Учителю с большой буквы — Виктору Ивановичу Лядову. Каждый из его многочисленных учеников играет по-своему, но в их исполнении слышится та самая лядовская черта: уважение к паузе, бережность к звуку, глубина, которая рождается не из амбиций, а из любви.

Анвар Амиров.

КИСЛЫЙ И ГРОМИЛА

Сейчас район, в котором расположена наша школа, утопает в зелени. Деревья вокруг сильно разрослись, из-за них видно только верхние этажи кирпичных пятиэтажек. В годы моей учебы эти дома были совсем новыми.

Я говорю «наша школа», потому что в ней, кроме меня, учился мой брат, который старше на пять лет. В его время пятиэтажки-хрущевки только подступали к району, но большую часть территории все еще занимали бараки, а вдоль улиц стояли деревянные дома в два-три этажа.

Район был рабочий, окраинный, не самый благополучный. Большинство жителей работали на комбинате, до которого добирались на трамвае через центр города. Дорога занимала почти час. Даже характерные для комбината химозные запахи доходили до района только в те дни, когда дул северный ветер. Теперь такая удаленность сделала эту часть города престижной: чистый воздух, старая застройка, зеленые дворы.

По главной улице района — Индустриальной — по-прежнему ходят трамваи. Если свернуть с Индустриальной, можно попасть во Второй Лесной переулок, упирающийся прямо в ворота нашей школы. Название переулочка связано с тем, что

с другой стороны — за двумя рядами домов и ЛЭП — находился лес, в котором мы зимой занимались лыжной подготовкой на уроках физкультуры. Вдоль ЛЭП шла грунтовая дорога, которая почему-то носила громкое название «Рязановское шоссе», хотя грузовики там ездили «раз в год по большому празднику». Совсем городская окраина.

Школа наша была с физико-математическим уклоном. Такой она остается и сегодня. Когда-то по распределению в нее попал учителем математики выпускник МГУ Михаил Бескин. Благодаря его усилиям и стараниям, подобно тому, как это принято в столице, здесь стали преподавать углубленный курс математики и физики и каждый год набирали из других школ дополнительный седьмой класс. Предполагалось, что хорошо подготовленные выпускники будут поступать в местный политех, что в общем-то и происходило. Собственно, и я, и мой брат учились в таких наборных физико-математических параллелях. Наши одноклассники с половины города добирались до школы на том самом трамвае, который ходил по Индустриальной улице.

Школа с тех времен и до сих пор считается одной из самых сильных в городе. Во многом благодаря хорошему подбору преподавателей — одна из традиций, которую заложил еще Бескин.

Надо сказать, что, как и всюду, большинство учителей в нашей школе имели прозвища. Но мы не заморачивались и, как правило, для этой цели использовали сокращенные име-

на. Классную руководительницу Инессу Андреевну мы звали Несса, завуча Евдокию Петровну — Евдоха, а очень пожилую учительницу биологии Евгению Львовну — Баба Желя. Нетрудно догадаться, как мы именовали историчку по фамилии Редько.

Выбивался из этого ряда учитель химии, который у всей школы имел прозвище Кислый. Не знаю, откуда оно пошло: то ли оттого, что его фамилия была Щавелев, то ли от предмета, который он преподавал. Второй учительнице химии и вовсе не надо было придумывать прозвище: ее звали Вера Борисовна Соленая. Вот такая химическая парочка: Кислый и Соленая.

Кислого в миру звали Евгением Валерьевичем. Он был невысок и сутуловат. Носил очки, имел густые брови и большую шишковатую лысину. Ходил в темном костюме из ткани, которая не держала форму. Будучи выглаженным утром, к обеду костюм уже обвисал и смотрелся мешком. Химию Кислый преподавал скучновато и сухо, любимчиков у него не водилось. Он имел привычку, считавшуюся у нас склонностью к издевательствам над учениками: слушая ответ на задачу, одобрительно кивал головой, а в конце бесстрастно говорил: «Ага, так... или наоборот». И после этого ставил оценку, которую нельзя было предугадать.

После ответа у доски Кислый любил устраивать опрос учеников с помощью детской настольной игры «Угадай картинку». Это когда с одной стороны рисунок — Кремль, Эй-

фелева башня, Колизей, а с другой — названия городов, где расположены достопримечательности. И если подобрать правильную пару, то загорается лампочка. Так вот, у Кислого с одной стороны была, например, какая-нибудь «серная кислота», а с другой — формулы: NaOH , HCl , H_2SO_4 и так далее. А на то, чтобы найти правильную формулу, химик давал всего двадцать секунд. Засада заключалась в том, что помимо H_2SO_4 у него среди вариантов были и HSO_4 , и H_2SO_3 , и $\text{H}_2\text{S}_2\text{O}_4$. Ну, в общем, в спешке легко перепутать и слететь с пятерки на четверку или тройку.

Участником первого акта истории, которая сделала фигуру Кислого школьной легендой, оказался мой брат. В тот год он учился во вторую смену, поэтому возвращаться домой после уроков ему приходилось уже в темноте.

Фонари в Лесном переулке, как правило, не горели, и только свет из окон домов и вечно открытых подъездов освещал тротуары. Темнота была на руку местной шпане, которая терпеть не могла «физиков-математиков» и время от времени нападала на нас: устраивала драки, отнимала деньги или просто издевалась. «Своих», то есть учеников из обычных классов, живших поблизости от школы, они не трогали. Но ребят из других районов терпеть не могли. Вообще-то, шпана постарше предпочитала задирать студентов политеха, общежитие которого было недалеко от школы, а малолетние пакостники промышляли школьниками. Время от времени ситуация обострялась. Тогда родители устраивали вечерние

дежурства, привлекали милицию. В переулке появлялся милицейский газик, и в фонари вкручивались лампочки. Но проходило время, милиция возвращалась к более серьезным делам, фонари перегорали, а шпана снова пошаливала.

В тот осенний вечер мой брат и несколько его одноклассников задержались и возвращались домой по Лесному переулку позднее всех. Впереди, в нескольких шагах от них, шел парень, который учился на класс старше, имени его ребята не знали.

Неожиданно наперерез идущим вынырнула из темноты огромная фигура: телогрейка нараспашку, тяжелые сапоги, кепка, сдвинутая на затылок. Типичная шпана, только очень крупная. Громила жестом руки остановил всю стайку школьников и спросил куда-то в темноту: «Ну?» Из-за старого тополя показалась нескладная фигура высокого парня. Он держался боком и старательно избегал встречаться с кем-либо взглядом. Осмотрев стайку, указал на старшеклассника: «Вот этот». Громила молча взял того за куртку и притянул к себе, то ли желая получше рассмотреть, то ли пытаясь напугать своим видом.

Брат рассказывал, что от страха у него прихватило живот. Все, что произошло потом, как говорил мне брат, заняло вряд ли больше минуты, но в его памяти происходящее запечатлелось словно замедленное кино. Неожиданно из темноты на Громилу с криком «А ну, прекрати!» наскочила какая-то небольшая фигурка. Это был Кислый.

Громила проигнорировал наскок и даже не повернулся в сторону Кислого, а лишь пихнул его со словами: «Отвали!» Кислый отлетел метра на два, споткнулся обо что-то в темноте и сел на землю. Но тут же резко вскочил и вновь бросился на Громилу с криком: «Прекрати, говорю!»

Громила, не выпуская свою жертву, слегка повернул голову в сторону Кислого. На лице его читалось удивление и неодобрение. Если бы не обстоятельства, картина могла бы показаться даже забавной: невысокий, худощавый интеллигентный человек в очках насакивает на мужика, который выше его на полторы головы и сильно превосходит в габаритах. Разглядев возникшее препятствие, Громила буркнул: «Сказали тебе: отвали!» — и попытался снова оттолкнуть Кислого, как отгоняют назойливую муху.

Но на сей раз толчок не достиг цели: Кислый вдруг как-то ловко увернулся, а Громила провалился в никуда, потерял равновесие и едва устоял на ногах. Похоже, это его озадачило. Он выпустил свою добычу, развернулся к Кислому и ткнул в него своим огромным кулачищем. Но с тем же плачевным результатом. Удар опять ушел в пустоту.

«Ха!» — с каким-то радостным удивлением издал звук Громила и выдал, как говорят в боксе, двойку: хук слева и хук справа. И опять Кислый оказался недосыгаем. Он нырнул под руки Громилы и нанес ему короткий удар куда-то в область живота. Эффект оказался неожиданным: Громила раскрыл рот, хватая воздух, и грузно рухнул на пятую точку.

В это мгновение у кого-то не выдержали нервы — раздался крик: «Бежим!», и все бросились прочь от места происшествия. Помчались в сторону Индустриальной, где горели фонари и ходили люди. Казалось, что там безопасно. Через минуту-другую добрались до перекрестка и тогда только поняли: погони не было. Переулок оказался пуст и тих, даль его терялась в темноте.

Брат рассказывал, что у него сумасшедше колотилось сердце. Его пробил пот и ужасно хотелось пить. Неожиданно выяснилось, что в коллективном забеге участвовал и Кислый. Он тоже тяжело дышал, а его лысина, покрытая испариной, блестела под фонарем. Странная деталь врезалась в память брата: в руках Кислый держал свой потертый кожаный портфель — он не бросил его даже в разгар схватки.

Кислый, впрочем, быстрее всех пришел в себя и, сказав: «Завтра не опаздывайте!», нырнул в полуподвальный овощной магазин в угловом доме. Надо ли говорить, что всю оставшуюся дорогу домой брат и его одноклассники бурно обсуждали битву Давида с Голиафом в Лесном переулке.

Новый акт этой истории был разыгран на следующее утро. Мой брат в нем уже не участвовал, поскольку учился во вторую смену.

Незадолго до начала уроков возле школьных ворот можно было заметить здорового мужика. Особого внимания на него никто не обращал. Ну, стоит бугай, курит, ждет кого-то, дерево подпирает. Мало ли. Не заметил его сначала и Кис-

лый — пока массивная фигура не оторвалась от дерева и не преградила ему дорогу. Деваться было некуда.

«Твое?» — угрюмо спросил Громила, указывая глазами на предмет, который держал в руке. Это была кепка, потертая во вчерашней стычке. «Мое», — тихо подтвердил Кислый. Тут Громила быстрым движением нахлобучил кепку на лысину Кислого до самых очков, схватил его за грудки и, рывком притянув к себе, неожиданно заключил в объятия. Руки Кислого оказались зажаты, голова уперлась в грудь Громилы, и сопротивляться не было никакой возможности.

«Ай, молодец! Грабарника еще никто в нокаут не отправлял!» — неожиданно сообщил Громила. Он сиял от радости. Видимо, новость о том, что Грабарника еще никто не отправлял в нокаут, очень веселила его.

Что произошло дальше между учителем химии и Громилой, осталось неизвестным. Однако Кислый позже появился в школе: хоть и слегка помятый, но целый и невредимый. А после уроков в тот день видели, как его у ворот снова встретил Громила и они вместе куда-то отправились.

С той поры время от времени можно было наблюдать, как Громила поджидал Кислого после уроков и как они вместе шли, о чем-то разговаривая, по Лесному переулку мимо старых двухэтажных домов и огромных тополей. Рассказывали, что их вдвоем часто видели на Стремянном рынке в том ряду, где по воскресеньям собирались городские голубятники, продававшие, покупавшие и обменивавшие голубей. Еще

говорили, что в вечер знакомства с Кислым Громила хотел разобраться с обидчиком своего сына — высокого, сутулого, нескладного парня из тех, кого сейчас называют ботаниками. Вроде бы накануне ему кто-то из наших накостылял уже после драки со шпаной.

У меня Евгений Валерьевич, по прозвищу Кислый, вел химию всего лишь одну четверть в восьмом классе и больше ничем себя не проявил. Потом он исчез из школы. Куда? Не знаю. Скорее всего, переехал в другой район.

Дарья Ганина.

ЦВЕТА ПРОЩЕНИЯ

Коридор, который вел в художественную студию, казался по-настоящему загадочным, окутанным вечным праздником и суетой. А все потому, что в самом его конце находился небольшой танцевальный зал хореографической школы. Во время праздников и обычных репетиций из него выбегали девочки в костюмах и направлялись через потайной проход на сцену актового зала. Поэтому ребята с этюдниками и большими папками для рисунков часто невзначай задерживались в коридоре: поделиться новостями, подождать приятеля, да и просто чтобы завязать шнурок.

Изостудия была особым местом в этом здании. Тут всегда пахло гуашью, влажной бумагой и древесиной мольбертов. В шкафах стояли баночки с кистями, красками и растворителями. Отдельной кучей лежали скрученные листы ватмана — будто застывший хаос творчества. Удивительно, как они держались на полках! Казалось, стоит тронуть и все это многообразие рухнет вниз. На отдельных полках в беспорядке красовались гипсовые кубы, вазы и античные бюсты.

Солнечные лучи, пробиваясь сквозь высокие окна, подсвечивали танцующие в воздухе пылинки. Обои с березовой рощей на одной стене придавали помещению еще больше

очарования.

Первым в студию ворвался Антон, крепкий семиклассник с торчащим ежиком волос и вечно испачканными рукавами. Он рухнул на заднюю парту, с грохотом швырнул портфель на пол. В каждом его действии читалась небрежность: движения дерганные, порывистые, шумные. Он будто намеренно отвергал любые правила.

Следом, бережно неся альбом и коробку с акварельными красками, вошел его ровесник Артем — полная противоположность Антону. Худощавый, невысокий, он двигался спокойно и собранно. Не спеша раскладывал вещи на парте, с сосредоточенностью выстраивая их в четкие линии. Если что-то выбивалось из порядка, Артем размеренным движением возвращал предмет на место.

Такие разные, они не были друзьями, но и не враждовали. Постепенно класс заполнился. Все были уверены, что преподаватель, как и всегда, расставит на столе привычные предметы — глиняный кувшин, вазу с сухими ветками — и добавит пару яблок. Но Надежда Ивановна терпеливо ждала, когда затихнет шум и все рассядутся. Она улыбалась. Ее пальцы, вечно окрашенные в какой-нибудь цвет, казались живым свидетельством бесконечного творчества.

— Ребята, сегодня мы не пишем натюрморт. Перейдем к освоению метода учебного копирования, — сказала она и поставила на стол большую репродукцию картины Тициана

«Распятие». — Сложность еще и в том, что мы будем работать акварелью, а оригинал выполнен маслом. Тем не менее стараемся передать объем, свет, тень. И главное, глубину настроения, — продолжила Надежда Ивановна ровным, мелодичным голосом.

Подростки заворуженно смотрели на центральную фигуру картины — распятого на кресте Христа. Его облик значительно отличался от фигур ангелов, что усиливало драматизм и ощущение отчужденности. Колорит полотна тоже работал на создание мрачной, скорбной атмосферы.

Надежда Ивановна видела, что Артем, сосредоточенно наклонившись над белым листом, начал выводить тонкие, точные линии построения композиции. Она знала, что он очень любит эти минуты тишины и творчества.

Антон же сразу стал наносить краску — работал широкими, нетерпеливыми мазками. Кисть скользила по бумаге с такой энергией, что вода разлеталась вокруг мелкими брызгами.

Работа Артема получалась безупречной: прекрасная по композиции, точная в деталях. Он уже начал понемногу добавлять цвет, пытаясь добиться выразительности и сходства с оригиналом.

Внезапно Антон вскочил с места и пробежал между рядами, чтобы в который раз поменять воду, при этом он задел баночку с водой на парте Артема. Банка опрокинулась. Мутная вода хлынула прямо на лист с почти готовым рисун-

ком. Акварельные краски поплыли, смешались в грязно-бурую лужу, безвозвратно уничтожив работу.

Наступила тишина. Все застыли, кажется, боялись даже дышать. Надежда Ивановна прекрасно знала, что сейчас чувствует Артем. Он всегда обожал рисовать и занимал призовые места на районных конкурсах. Хотя учительница понимала, что это не главное в творчестве. Но сейчас, когда было получено такое необычное задание, когда Артем полностью погрузился в евангельский сюжет... Одно резкое движение — и картина безнадежно испорчена. С акварелью шутики плохи: ее прозрачность и нежная фактура не терпят суеты, а допущенная ошибка необратима.

— Ой, — небрежно брякнул Антон, — я нечаянно.

— Ты... Ты все испортил! — вырвалось у Артема. Его голос дрожал от обиды. Он смотрел на расплывающееся пятно, и его глаза наполнялись слезами. Это был не просто рисунок — он составлял его прекрасный мир, который теперь кто-то грубо разрушил.

— Подумаешь, ерунда! Новый нарисуешь, — небрежно отмахнулся Антон, стараясь скрыть смущение. Он явно не ожидал, что реакция окажется настолько острой.

— Это не ерунда! Ты всегда так! Все ломаешь! — Артем вскочил, сжимая в руках испорченный лист. Его привычное тихое упорство рассыпалось в секунду. — Ты даже не думаешь, что другим важно! Для тебя всё — «пустяки», а я тут... — Он внезапно замолчал, но взгляд его горел невысказан-

ным упреком.

— Ты просто нюня! — огрызнулся Антон. Это было его коронной фразой. Он часто цеплялся к миролюбивому Артему, потому что знал, что большого отпора не будет.

Надежда Ивановна все видела и была уверена, что вода разлилась не случайно, но решила не обострять и так непростую ситуацию. Она положила руку на плечо Артема и тихо сказала:

— Я вижу, что случилось. Больно, когда труд уничтожен вмиг. Это чувство знакомо каждому, кто творит: будто часть тебя исчезла вместе с рисунком. Но это и есть путь художника — учиться отпускать и начинать снова.

Потом она посмотрела на Антона.

— Нечаянность не снимает ответственности, Антон.

Тому стало не по себе. Он увидел, как дрожат губы Артема, и впервые задумался о том, что чувствует этот тихоня. Класс затих. Репродукция картины Тициана вдруг стала свидетелем не детской ссоры, а первой серьезной стычки, где ранили не только слова, а вина легла на плечи тяжелее любой физической ноши.

На парте валялась мокрая, безвозвратно испорченная акварель. Нет, не рисунок. Жизненный урок.

Надежда Ивановна поняла, что сегодня надо поговорить не о смешивании красок. Тема выйдет за рамки привычного. Речь пойдет о вещах более глубоких и важных. Она подошла к парте, взяла стакан с водой, вытянула руку перед классом

и спросила:

— Артем, знаешь, что это? — Голос ее звучал мягко, будто пробиваясь сквозь густую тишину обиды.

— Стакан... — буркнул Артем, не поднимая головы.

— Да... А какой он?

— Наполовину пустой или полный! — выкрикнул с задней парты приятель Антона — Сулик, пытаясь разрядить обстановку бойкой шуткой. — Знаем мы эту историю.

— Нет, я не об этом, — сказала учительница, все еще продолжая держать стакан на вытянутой руке перед собой.

— Как думаете, он легкий? — обратилась она ко всем.

— Да! — заголосил весь класс.

— А если я его подержу час? Мне уже не будет так легко. А если несколько дней? Моя рука начнет неметь. Так и с нашими обидами, Артем. — Она поставила стакан перед ним и легонько коснулась его плеча. — Если носить их с собой и все время помнить о них, то человеку будет плохо.

— Так, а что же мне, забыть и улыбаться теперь?! — громко выкрикнул Артем, подняв голову.

— Нет, но постоянно помнить обиды не нужно. Позвольте я расскажу вам одну историю, пока все доделывают копию. А ты, Артем, давай, попробуй начать заново.

В классе воцарилась тишина. Всем хотелось узнать ответ на вопрос Артема.

— Рассказ называется «Исповедь гвоздя», — спокойным голосом начала Надежда Ивановна, наблюдая, как Артем за-

ново стал выполнять карандашом построение деталей для основы рисунка.

...Темные тучи все сильнее сгущались над Голгофой. Гвоздь поднесли к плоти человека.

Гвоздь: «Прости меня, друг! Я не хочу причинять тебе боль. Я был создан для того, чтобы укреплять, соединять, держать, давать кров. Но не для этого».

Послышались удары.

Гвоздь: «О мой сердечный друг! Эти люди не ведают, что творят. Они все изувечили, все поменяли. Я не орудие пыток и боли. Я материал для создания лучших условий».

Дождь огромными каплями пролился с небес.

Гвоздь: «Я чувствую, что ты другой. Ты не такой, как они. Ты раздал все, что имел. Хотел, чтобы они были довольны. Лучшие уж не видят, как гниет этот мир. Ты добрый, к тебе все тянутся. Враги в том числе. Безумец! Ты все еще веришь в этих людишек!»

Небо изливало дождь плотным столпом, словно норовя раздавить, пригнуть весь мир к земле, уничтожить всех.

Гвоздь: «Они тебя не достойны. Не достойны ни единой твоей мысли. Прости, что причиняю тебе боль. Я чувствую, что в тебе тоже есть металл. Твоя кровь пульсирует вокруг меня. Мы похожи. Меня тоже никто не слушал. Они исказили, переврали мое нутро, мою суть. Почему ты прошишь прощения за них? Почему до сих пор не проклинаешь? Мы похожи, но и разные одновременно. Я вошел в тебя, как

входил в тысячи досок до этого — резко и бесповоротно. Но тут я встретил Нечто... Не кости, не плоть. Тишину...»

Тишина: «Гвоздь, ты не палач. Ты последний свидетель и будешь помнить ту боль вместе со мной, чтобы другие забыли. Ты первый, кто познает Прощение. Я не злюсь на этих людей. Видишь ли, мой железный друг, обиды нас уничижают. Они убивают радость и способность любить. Прощение — это не о том, чтобы забыть, это о том, чтобы из тебя вылилось черное, липкое. То, что ранит тебя. Прощение — это прежде всего, когда ты сам перестаешь мучить себя. Через прощение мы исцеляемся. И я сама сейчас исцелюсь. И ты, мой друг, тоже. Ты не просто гвоздь, несущий боль. Ты — печать».

Гвоздь: «О чудо! Смотри, вот он — Человек! Он пришел, чтобы спасти тебя. В нем свет. Он верит в людей. Я понял, я все понял. Он спасет этот мир, а я спасу его тело. Я создан, чтобы скреплять. Прощай! Благодарю тебя за любовь, которой напитал меня, испытывая великие муки. Благодарю, что был моим проводником и учителем, что показал мне истину. Твои раны заживут. Я стану частью твоей плоти, которая восстановится. Мы построим этот мир вместе. Все вместе...»

С креста сняли бездыханное тело. А гвоздь еще долго оставался там, вколоченный в память, в сердце, в жизнь, в судьбу этого мира. Печать одного из множества важных уроков, где учителем выступал сам Бог.

— Мне кажется, я понял! — тихо сказал Артем. — Прощение — не для того, чтобы забыть... А чтобы стало легче... — Он помолчал, словно прислушиваясь к себе, а потом добавил: — Мне действительно стало легче.

В классе повисла особая тишина — не неловкая, а наполненная. Даже Сулик не пытался вставить реплику. Надежда Ивановна тоже молчала, не спеша нарушать этот хрупкий момент осознания.

— И рисунок у тебя получился даже лучше прежнего! — прозвучал наконец ее голос.

Урок закончился. Все стали поспешно собираться, голоса сливались в неразборчивый шум.

К Артему подошел Антон. Он медленно и неуверенно протянул вспотевшую от волнения руку.

— Извини меня! Сознаюсь — я пролил воду нарочно... Но твоя работа — не ерунда. Ты красиво рисуешь, я бы хотел уметь так же... А я... а у меня... получается, ну, как курица лапой!

Артем посмотрел на него не с обидой, а с пониманием. Его ладонь легла в руку Антона твердо и спокойно.

— Прощаю, — сказал Артем, скрепляя рукопожатие. — Знаешь, в твоем стиле есть что-то особенное — столько свободы! Я бы хотел попробовать рисовать как ты.

Ребята попрощались с Надеждой Ивановной и вместе вышли из класса.

«Прощение — не для того, чтобы забыть, а чтобы осво-

бодиться».

Зиля Вавилова. «НИХАО» — ПО-КИТАЙСКИ «ЗДРАСЬТЕ»

— Нихао, Эдуард Иванович! Там Крыса послала за вами. Все уже собрались. Она сказала, надо начинать педсовет. — Говоря это, девятиклассник не переставал стучать по пионерскому барабану — просто чуть тише.

— Нихао, Лисичкин! — Учитель английского языка поздоровался, не отрывая взгляда от снежных дальневосточных сопок за темным окном. — Во-первых, не «Крыса», а Мышаева Клара Степановна. Она все-таки женщина. А во-вторых, еще и директор школы.

— Да ее все так называют. — Ученик внимательно посмотрел на преподавателя снизу вверх. Правильный выступ челюсти мог бы сделать внешность учителя более приятной, но неподвижное — скорее, даже отстраненное — выражение лица в любом случае все портило.

Лисичкин обнаружил Эдуарда Ивановича в опустевшем коридоре второго этажа. Школьник почему-то остался и не ушел. С барабанными палочками в руках он стоял рядом, делая вид, что читает стенгазету седьмого класса. Конечно, читать там особо было нечего: одни только рисунки снежинок и Деда Мороза цветным карандашом. Крупные буквы оповещали всех о наступающем 1989-м годе.

— Там Крыса уже сама бежит. — Лисичкин заметил появление директрисы со стороны лестничного пролета. Голову с мелко завитыми рыжеватыми кудряшками она, как обычно, держала приподнятой, внимательно прислушиваясь ко всему происходящему. Вот и теперь Клара Степановна мгновенно обернулась на звук, раздавшийся в одном из классов. Резким движением она распахнула дверь.

Профиль директрисы с ее четко очерченным силуэтом невольно ассоциировался у наблюдателей с острой мордочкой настороженной крысы. «Так-то похожа...» — невольно подумалось Эдуарду Ивановичу. Клара Степановна вышла из класса, неся под мышкой реквизит, необходимый для костюма Деда Мороза. Из-под красной свернутой ткани вываливалась лохматая борода с кусками синей изоленды. В следующую минуту директриса уже стояла перед ними. Ее черные глазки-бусинки недобрым огоньком сверкнули за очками.

— Грабовский, дайте журнал! — Она выхватила журнал успеваемости восьмого класса из рук Эдуарда Ивановича и зачем-то начала стремительно листать страницы. Затем без всякого перехода отчеканила: — Грабовский, школа — это армия. Дисциплина превыше всего. У нас срочный педсовет! В школе — ЧП. И это тридцать первого декабря! Не вздумайте уйти!

Сознание директрисы находилось в состоянии постоянной боевой готовности. Ведь неподалеку, всего в восем-

надцати километрах от села, пролегла советско-китайская граница. А вокруг располагались многочисленные воинские части.

— Я и не собирался. — Эдуард Иванович подумал о своей пустой квартире. Там, кроме фото Ли Фэй на стене, его никто и не ждал. От школы до двухэтажных кирпичных домов было метров пятьсот по грунтовой дороге.

— Лисичкин! Прекрати колотить! Отнеси барабан в Красный уголок и шагай домой. — Требовательный тон директрисы ясно давал понять, что приказ не подлежит обсуждению.

— Наш класс дежурит. Я отвечаю за порядок в школе. — Лисичкин сохранял привычное спокойствие.

— А Вы, Эдуард Иванович, сегодня вместо факультатива по английскому опять китайский изучали? — Директриса сверлила своими «бусинками» отрешенное лицо учителя.

— Ну и что! А нам нравится! — беспардонно встрял в разговор Лисичкин и выбил очередную барабанную дробь.

Крыса поджала губы. В ее глазах на секунду мелькнула растерянность. Эдуард Иванович отчего-то подумал, что она не находит себе места. Как будто рухнул армейский порядок в казарме. А может, в ее голове. Пока он размышлял, Клара Степановна уже стремительно унеслась с новогодним реквизитом и журналом под мышкой.

Учитель еле заметно вздохнул и пошел вслед за директрисой. Лисичкин зашагал рядом с ним — нога в ногу, бодро

отбивая барабанную дробь.

— Лисичкин, а ты знаешь, что в переводе с китайского означает Ли Фэй? — На лице преподавателя мелькнуло некое подобие улыбки.

— Лифей? — Ученик минуту молчал. — Это та китайская девушка с фотографии у вас дома?

Грабовский кивнул.

— Ли Фэй означает «летающая птица», «свобода». — Голос Эдуарда Ивановича звучал по-прежнему ровно.

— Она ваша невеста — Лифей? — Лисичкин на самом деле верил в это.

— Может быть... Может быть... Мы просто вместе учились в горьковском институте. Она прибыла с группой из Китая для прохождения обучения, а потом уехала к себе на родину.

— Навсегда?

Грабовский ничего не ответил.

Они остановились перед учительской. Лисичкин стал особенно громко выбивать дробь на старом барабане.

В комнате преподавателей царила новогодняя атмосфера. С потолка свисали цепочки разноцветных фонариков из бумаги. В преддверии праздника ученики начальных классов украсили снежинками и окно. В углу стояла банка с сосновыми ветками. Аромат духов «Красная Москва» смешивался с одеколоном «Тет-а-тет». Пакеты некоторых сотрудни-

ков источали запахи оливы и холода — после педсовета кое-кто из присутствующих планировал отправиться в гости. Грабовский отметил заплаканные глаза комсорга Кати, учительницы начальных классов. «Наверное, у нее неприятности...» — подумал он.

Трудовик Кукнис в шапочке Деда Мороза устремил на Грабовского один глаз, а вторым в это время задумчиво изучал стену. Можно было предположить, что у него вдруг открылись способности видеть сразу две параллельные реальности. В руках он держал бутылку шампанского, добытую неизвестно откуда. В местном магазине по талонам продавали только красное вино.

Некоторые учителя сидели группами и оживленно перешептывались. Причина экстренного заседания педсовета в канун Нового года была неизвестна. Казенным голосом директриса объявила:

— Товарищи! Я собрала срочный педсовет, потому что мне позвонили из роно. Нам нужно принять решение по поводу нашего молодого специалиста Эдуарда Ивановича. Должна подойти парторг совхоза, и начнем собрание.

Учитель английского криво ухмыльнулся. Точнее, не криво, а себе под нос. А Кукнис при упоминании о парторге начал запихивать бутылку за пазуху потертого пиджака. Образовавшийся бугорок его не смутил.

— Лисичкин! Чего тебе? Закрой дверь! — приказала завуч Ерохина. Она заменяла директрису по всем вопросам, и

у них было редкостное единение во взглядах.

— Ничего. По радио передали, что метель начинается. — Лисичкин едва прикрыл дверь.

— Давайте отложим педсовет! Что за срочность? — Физрук Сергей поправил прическу и поставил на стол магнитофон «Романтик».

— Откладывать мы ничего не будем. — Директриса заметно колебалась, но, взглянув на наручные часы, решительно произнесла: — Мне сообщили из роно, что в областную редакцию газеты пришло письмо от трудящегося о том, что в нашей школе работает учитель, который вышел из рядов комсомольской организации. Речь идет о Грабовском. Представитель народа возмущен тем, что детям преподает человек, который не состоит в комсомоле. Он требует уволить его из школы. — Мышаева отчеканила каждое слово и обвела взглядом коллектив. — А Вы, Эдуард Иванович, проходите в центр, не стойте там у двери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.